

МХАТ и засекреченный Иофан

На Урале найден и впервые представлен «театральный автограф» выдающегося архитектора

Ирина КЛЕПИКОВА

Подобно тому как существуют выставки одной картины, это могла быть выставка одного автографа. Он того заслуживает. Экспонируется впервые и открывает новые подробности военных гастролей МХАТ в Свердловске в 1942 году. Причем дебют документа происходит не в Москве, а в уральской столице, где и найден-открыт. Но если картина способна сама себя рассказать, то документу нужны пояснения. Восстановленная история. Потому в создании выставки «В начале был МХАТ...», что открылась в Литературном квартале Екатеринбурга, участвовали семь музеев и архивов – Екатеринбурга и Москвы.

О пребывании МХАТ в Свердловске в военном 1942-м главное, кажется, давно известно. Период был небольшой – всего 89 дней. Из них 57 гастрольных дней, за которые мхатовцы дали 76 спектаклей. Любовь зрителей к МХАТ была такова, что даже в тех, не способствующих зрелищам военных условиях, они из заработанного на Урале смогли отчислить по тем деньгам 25 тысяч рублей на строительство самолета «Советский артист». Очень большая сумма. А еще на Уралмаше театр сделал актерский набор. Сооснователь МХАТ **Владимир Немирович-Данченко** занимался в это время в Москве организацией театрального училища при театре. Предложил коллегам посмотреть талантливую молодежь Свердловска. Из самостоятельности отобрали несколько человек, в том числе, например, **Владимира Трошина**, который станет впоследствии любимцем публики.

В один момент «полубоги» стали «как все»

Вот главное. Известное. И на афише выставки справа от вытекающего из пишущей машинки бумажного листа – профиль **Ольги Бокшанской**, многолетнего секретаря дирекции МХАТ и личного секретаря Немировича-Данченко, которая скрупулезно вела летопись театра. Из ее записок, мемуаров многое и известно. Но слева, навстречу Бокшанской, – профиль **Бориса Иофана**, известного советского архитектора. Да, в декабре 1941-го он с семьей тоже был эвакуирован в Свердловск, но его задачей было продолжение работы над главным проектом – Дворцом Советов. Тогда какая же связь?

«Чтобы понять события, развернувшиеся в Свердловске с приездом МХАТ и оторвавшие на время засекреченного архитектора от Дворца Советов, надо хорошо представлять, в каком состоянии оказалась на Урале труппа прославленного театра, – рассказывает **Лариса Петрова**, председатель правления Ассоциации музеев Екатеринбурга (она давно занимается военными гастрольями МХАТ в Свердловске, по сути, связала этой темой Музей МХАТ и музей уральской столицы). – МХАТ был театром привилегированным, а его труппа – всенародные любимцы. Театр патронировал сам **Сталин** и его ближний круг. А это означало особые условия жизни: высокие зарплаты, социальные привилегии, отдельные квартиры, тогда как большинство жили в коммуналках. Эти поистине небожители находились на гастролях в Минске, когда слышали по радио о начале войны. 23 июня они еще играли знаменитую комедию «Школа злосло-

вия». И только пообщавшись с приехавшими в Минск актерами Брестского театра, мхатовцы начали осознавать трагический масштаб событий. Правда, никто тогда не представлял, что это будет длиться четыре года. И никто не собирался прекращать гастроли. Разве что в один момент «полубоги» стали «как все». Никаких привилегий, зато общее на всех горе и необходимость выживать. Тремя группами мхатовцы выехали домой, оставив горящий Минск. Но и Москву стали серьезно бомбить 22 июля. 9 августа правительство начало эвакуацию работников культуры. Кто-то из МХАТ выехал в Нальчик, большая часть труппы – в Саратов. Город был перенаселен (где жить? как питаться?), к тому же и его бомбили. Один из снарядов влетел в гостиницу, а здесь жили, в частности, великие мхатовские актеры **Тарасова, Москвин, Тарханов**. Влетает и не разрываясь. Но очевидно же: и здесь небезопасно. И Алла Константиновна Тарасова обращается с просьбой «решить вопрос», а просьба Тарасовой – призыв к немедленному исполнению. Так начинает активно продвигаться вопрос перемещения МХАТ в глубокий тыл, а Свердловск в 1942 году таким и был. МХАТ выделили пароход «Сталинская конституция», небольшую баржу для декораций. И, погрузив сюда даже картошку, которую успели вырастить в Саратове (театру были нарезаны огородные участки), МХАТ отправился на Урал».

«Оставьте Дворец Советов. Займитесь театром»

В создании экспозиции, которую открыл Объединенный музей писателей Урала, приняли участие Музей МХАТ (Москва), Государственный архив социаль-

но-политической истории Свердловской области, Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), Государственный архив Российской Федерации, музей театра «Урал Опера Балет», Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ.

На выставке – редчайший фотопортрет Ольги Бокшанской из фондов МХАТ, впервые выставленный у нас, фотографии Минска – в какой приехали мхатовцы и из какого уезжали, снимок гостиницы «Европа», в которой поселили театр в Саратове, фото «военных гастролей» МХАТ и телеграмма о перечислении средств на самолет. Но самые главные открытия (в том числе и документальные) связаны с уральской столицей. Прежде всего – театральный автограф Бориса Иофана. В открытом доступе он тоже впервые.

«МХАТ поселили в гостинице «Большой Урал», лучшей тогда в Свердловске, и в Доме крестьянина. Но для них, которые всегда старались на сцене показать 1000-процентное качество, важно было – где играть? – продолжает Лариса Петрова. – Были осмотрены все театральные помещения города: здания Музкомедии, Дома офицеров, Клуб железнодорожников, Клуб НКВД, Драмтеатр, Оперный. «По жанру» напрашивалось здание Драмтеатра, но... В подвальных помещениях стояла вода. Примерные были малы, не отремонтированы, да их еще и не хватало. Не было поворотного круга на сцене, а у МХАТ практически все спектакли задействуют его. Сознавая, что лучшее театральное здание в городе – Оперный, МХАТ и начал атаку в эту сторону, вышел с «сердитым письмом» на имя секретаря Свердловского обкома партии **Василия Андрианова**. Тогда-то к делу и был подключен засекреченный архитектор Борис Иофан».

Напомню: Иофан занимался Дворцом Советов. Идея гигантского здания, воплощающего ленинские идеи, была, выражаясь современным языком, настолько раскрученной, что многим казалось: Дворец Советов уже есть. Дворец только проектировался, а его уже изображали на конфетных фантиках, спичечных этикетках, лаковой росписи Мстеры. Кстати, за два дня до открытия этой экспозиции уральский Музей этикетки добавил в нее папиросную коробку – с Дворцом Советов!

Проблему решили акустика и... случай

И вот архитектора, построившего феерически успешные павильоны на всемирных выставках в Париже и Нью-Йорке в 1937 и 1939 годах, знаменитый Дом на Набережной в Москве, а теперь занятого «дворцовым проектом», секретарь обкома попросил... оценить помещение театра драмы с прицелом на выступления в нем МХАТ. Иофан даже вызвал в помощь выдающегося театрального художника **Исаака Рабиновича**. По сохранившейся в архиве РГАЛИ телеграмме впервые установлен адрес в Свердловске – 8 Марта, 46, где работали «секретные» Иофан и его коллеги по Дворцу Советов. Телеграмма – в экспозиции, так же, как и пятистраничное «заключение о результатах осмотра». Тот самый театральный автограф Иофана, где аргументированно расписано, что, если и судьба МХАТ работать в помещении Свердловской драмы, то для этого прежде необходимы такие-то и такие мероприятия по акустике, переоборудованию сцены, отоплению, вентиляции. Необходимых изменений столько (и это в условиях войны), что проще МХАТ... потеснить Оперный.

Он, кстати, и потеснил. По указанию всё того же секретаря обкома партии Андрианова какое-то время МХАТ и наш Оперный давали спектакли на одной сцене попеременно. Всё шло к тому, что вопрос решится в пользу столичного театра, а добровольно-принудительное передвижение по «эффекту домино» коснется и других зданий, вплоть до госпиталя для тяжело раненных, размещенного в ДКЖ.

Но – вмешался случай. Анекдотичный и счастливый. Москва готовилась отмечать 25-летие Октябрьской революции. Ждали весь дипломатический корпус, военных атташе. Планировалось лоббировать открытие второго фронта. В этих условиях присутствие прославленного МХАТ в столице – подтверждение, что Советский Союз силен. И МХАТ отправился на октябрьские дни в Москву, где должен был сыграть на родной сцене «Кремлевские куранты», с **Алексеем Грибовым** в роли **Ленина**.

После театр должен был вернуться на Урал. Но – не вернулся. Изменялась ситуация в войне, наступал коренной перелом. И МХАТ, к своему счастью и счастью Свердловского оперного, получил разрешение остаться в Москве... Возможно, кто-то скажет, что подробности этой коллизии интересны только архивистам и сугубым театралам. Ничуть! История Великой Отечественной войны продолжает открывать ранее потаенные факты, и в них нет мелочей. К тому же факты – документально подтвержденные: Урал впервые вводит в научный оборот театральный автограф знаменитого Бориса Иофана, прежде секретный адрес проектной группы Дворца Советов. Значимость этого в полной мере еще предстоит оценить. А пока стоит увидеть, вчитаться...

